

УДК 165.75

Р.В. Ткаченко, старший преподаватель*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО**

Рассматриваются отдельные методологические аспекты философии Мишеля Фуко, направленные на изучение феномена дискурсов и их корреляции с историческими условиями в концепции эпистем, а так же анализируется роль языка как дискурсивной системы в контексте постструктурализма.

Ключевые слова: *постструктурализм, постмодернизм, дискурсивная практика, эпистема, парадигма.*

Одной из тенденций постструктурализма является изучение феномена власти как социального и психологического явления. Власть старается позиционировать себя в качестве доминанты на всех уровнях социальных отношений. Именно она порождает псевдоанонимные структуры, которые, оставаясь невидимыми, управляют текстами, вербальной практикой, поведением человека. Именно такой позиции придерживался в изучении феномена власти Мишель Фуко.

Без сомнения, Фуко является своего рода культовой фигурой философии второй половины XX века. Неординарный в своих методологических подходах, он стремился расширить поле философских исследований, зачастую нарушая устоявшиеся академические традиции. Данный факт вполне объясняет неоднозначное восприятие его философии в университетских кругах – от полного восторга со стороны постмодернистов и постструктуралистов до сдержанного скепсиса ценителей классической философии.

В центре внимания Фуко находились науки о человеке. Это не совсем то же, что гуманитарные науки, ибо науками о человеке являются также медицина и психиатрия, однако концепция Фуко наложила свой отпечаток и на методологию научного познания.

Центральным понятием в философских изысканиях Фуко является понятие дискурса. Дискурс определялся Фуко как «то, что было произведено определённой совокупностью знаков. Окончательно дискурс можно определить как совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций. Он – первичный принцип рассеивания и распределения высказываний, где анализ высказывания соответствует частному уровню описания» [1, с.122]. В процессуальности дискурса феномен собственного Я теряет явную определённость, оказываясь всецело зависимым от установленного порядка дискурса. Любопытно, что именно развитие дискурсивных практик, по мнению Фуко, должно стать центральным объектом исследования философии.

В интерпретации Фуко, философия – это дискурсы, стоящие вне строго научного сциентизма. Исторический подход в анализе дискурсивных практик избавляет их от строгой научной дисциплины и абсолютизации значения науки. Таким образом, совокупность поливариантности дискурсов Фуко считает той областью, в которой философия может проявить свою актуальность.

В подобном контексте дискурс определяется как относительно самодостаточная форма артикуляции знания в определённой культурной традиции, – вне каких бы то ни было моментов, привносимых со стороны субъекта. Дискурсы трактуются Фуко в качестве составляющих самодостаточной процессуальности. Именно процессуальность дискурсивных процедур выступает тем пространством, в рамках которого человек сам превращает себя в субъекта дискурса.

Развивая данное положение, Фуко производит фиксацию типов вероятностных трансформаций дискурсивных практик. Виды трансформации включают в себя:

- 1) деривации (внутридискурсивную зависимость), т.е. трансформации, связанные с адаптацией или исключением тех или иных понятий и обобщений;
- 2) мутации (междискурсивные зависимости), т.е. трансформации позиции говорящего субъекта или предметности (смещение границ объекта);
- 3) редистрибуции (внедискурсивные трансформации), т.е. внешние по отношению к дискурсу, но влияющие на его эволюцию и метаморфозы.

В качестве основы для классификации дискурсов, Фуко выделяет экспрессивную ценность дискурсов, способы отношения дискурсов и придания им ценности (претензии на абсолютную истинность, легитимация), а также способы адаптации дискурсов к социокультурной среде.

Детальный анализ механизмов регуляции дискурсивных практик со стороны культуры позволяет Фуко сделать вывод о глубинной ограниченности и подконтрольности дискурсов. Фуко связывает это с тем, что реальная креативность дискурсивных практик, открывающая возможность для непредсказуемых модификаций в плане содержания, подвергает серьезным испытаниям парадигмальные установки мышления. За видимой респектабельностью статуса дискурса, усматривается своеобразный страх. В

смысловом поле, всё происходит так, как если бы запреты и пределы располагались таким образом, чтобы хоть частично овладеть пространством самого дискурса. Порядок функционирования и возможных метаморфоз дискурса должен быть организован так, чтобы избежать чего-либо неконтролируемого.

В отличие от классической традиции, современная культура стоит перед задачей вернуть дискурсу его характер события, то есть освободить дискурсивные практики от культурных ограничений, лишаящих его возможности принципиальной новизны. Выдвигая в противовес культуре классического типа радикально новую методологию исследования дискурсивных практик, Фуко разрабатывает принципиально новый для данной сферы категориальный аппарат, эксплицитно вводящий понятие случайной флуктуации в число базисных понятийных структур новой дискурсивной аналитики. В данном аппарате фигурируют понятия, не применимые к анализу дискурсов классической эпохи – смысловая игра, случайность, прерывность, зависимость, трансформация.

Главнейшим методологическим выводом, в котором конституируется смена аспекта видения процессуальности дискурса, является следующий: с точки зрения Фуко, в сфере изучения дискурсивных практик сейчас уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий.

Ощущая отсутствие в гуманитарной сфере теории, которая бы позволила бы мыслить отношения между случаем и мыслью, Фуко делает значительный шаг в создании подобной концепции, рефлексивно фиксируя при этом главное содержание в качестве введения в гуманитарное познание идеи случайности.

Здесь необходимо рассмотреть проблему корреляции генеалогии и истории (прежде всего генеалогии и истории идей) более подробно. В своём подходе Фуко осуществляет последовательный отказ практически от всех традиционных позиций видения исторического процесса. Базовой методологической спецификой генеалогии, отличающей её от классических способов исторического анализа, выступает её принципиальная не-линейность.

По мнению Фуко, генеалогия базируется на радикальном отказе от идеи преемственности. «Силы, действующие в истории... не высказывают себя последовательными формами первоначальной интенции, они не имеют значения результата» [1, с. 187]. В данном контексте событие (например, формулирование новых философских идей) определяется как феномен, обладающий особым статусом, не предполагающим рассмотрение в качестве причины, ни артикуляции в качестве следствия.

Также интерпретация генеалогии по Фуко ориентирована на ярко выраженный антиэволюционизм. Данная позиция находит выражение в том, что целью генеалогиста, в отличие от классического историка, отнюдь не является реконструкция исторического процесса как некой целостности, имманентно подразумевающей в себе патетикотелеологические принципы (смысл и назначение истории, судьбы народов и пр.). Цель генеалогии заключается как раз в противоположном, – в том, чтобы зафиксировать то, что произошло в присущей ему раздробленности. Заблуждения, ошибки в оценивании зачастую в итоге порождают то, что становится значимым. Стоит заметить, что в данном положении позиционируется идея доминирования случайности как одного из базовых постмодернистских принципов (подобный подход разрабатывался так же Р. Рорти, Ж. Бодрийяром и др.). В системе отсчёта генеалогии феномен случайности обретает статус фундаментального механизма осуществления исторического процесса. И если линейной версией истории создаётся особый универсум предназначений, причин и следствий, интерпретирующих спонтанность, то генеалогия уходит в область отсутствия предназначений и заготовленных исторических проектов.

Помимо вышесказанного необходимо заметить, что одной из важных презумпций генеалогии в интерпретации Фуко является отказ от идеи внешней причины. Именно в данном отказе Фуко усматривает основной критерий отличия генеалогии от традиционной дисциплинарной истории. Традиционная история – это необходимая вера в телеологию. Генеалогия же интерпретирует свою предметную область принципиально иначе. Данное поле исследований выступает как находящееся в процессе имманентной самоорганизации творческая среда событийности.

От изучения отдельных направлений в науках о человеке (например, психиатрии, пенитенциарной системы) Фуко, при помощи разработанного им метода исследования дискурса, переходит к «археологии» гуманитарных наук. В данной области явно прослеживается идея, согласно которой на человеческую деятельность оказывают влияние формирующиеся и сохраняющиеся на протяжении определённых исторических периодов, социально закреплённые формы объективации знания. «Археология Фуко анализирует не идеи, не поведение людей, не их самих, а проблематизации в историческом поле, переход от одного фрагмента работы к другому... В одном из своих интервью за несколько месяцев до смерти, он специально подчеркнул, что главное во всех его работах – проблематизация. Проблематизация – это совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих игру в качестве объекта мысли» [2, с. 101-102]. При этом обращение к «археологическому» ракурсу осмысления данной проблемы означало

для Фуко решительный отказ от идей трансцендентализма в любом их виде. Особенно недопустимыми в данной области были такие виды трансцендентализма, в рамках которых чистый субъект умозрительно отделялся от исторических связей собственного бытия и размещался над природой и историей. Здесь Фуко не только придерживается критической позиции относительно «мифологии чистого субъекта» новоевропейской философии, но и предлагает оригинальную бессубъектную теорию сознания и духа. К данной позиции философ пришёл из своих прошлых рефлексий – в частности, по поводу системы Канта. С точки зрения Фуко, если мы избираем в качестве центра построения субъекта, который якобы синтезирует поступающие в его сознание многообразие сенситивных данных, то приемлемые схемы интерпретации мышления, познания, сознания становятся неприменимыми. Субъект, предстаёт здесь, как некое образование, замкнутое на самом себе. То есть, именно субъект трактуется здесь в качестве «творца» окружающего мира.

Археология гуманитарных наук трактуется Фуко вовсе не как история науки либо изучение генезиса идей. Целью данного подхода является установление того, благодаря каким факторам становятся возможными опыт и познание, в соответствии с какими аспектами конституируется знание и на какие исторические а priori оно опирается. Данная целостность, в исследовании Фуко, отличается исторической изменчивостью. В данном поле генерируются новые идеи, формируется новый научный парадигмат, эмпирические знания подвергаются философской рефлексии, складываются новые концепции истины.

Прибегая к понятию «структура опыта», Фуко обозначает культурные ситуации, имманентно включающие в себя как познающего субъекта, так и познаваемые им явления и объекты. Структура опыта научной или культурной эпохи подразумевает не только высказывания находящиеся на дискурсивном уровне. Сюда, прежде всего, включается обобщенная историческая ситуация, состоящая из политических, философских и культурных детерминант различного вида. Следовательно, понятие «дискурс» обозначает структурированное смысловое поле высказываний, которое включает в себя основные определяющие правила, играющие роль конституирующих начал в познавательном опыте. Понятия данного поля не являются разрозненными, а коррелируют, и в каждом отдельном случае выполняют регулятивную функцию, определяемую дискурсом. Дискурс, как своего рода историческое а priori в интерпретации Фуко обозначает наиболее существенные принципы организации познания, упорядочивания тех или иных феноменов сознания. Сославшись на кантовскую схему гносеологической организации через использование категорий «причинность», «субстанция», Фуко не принял априоризма Канта, утверждавшего, что категории пред-заданы опыту в качестве организующего начала. В своём философском анализе Фуко стал осмысливать влияние пред-заданных (исторически, а не гносеологически) категорий на познание конкретных субъектов на базе социально-исторических обстоятельств, которые структурируют и организуют познавательный процесс. Данные категории Фуко обозначил понятием «эпистема».

Под «эпистемой» Фуко понимал совокупность отношений, которые в определённый период могут объединять дискурсивные практики, благодаря которым становятся возможны эпистемологические фигуры и формализованные научные системы. Эпистемы интерпретируются здесь как совокупность смысловых корреляций, которую можно открыть внутри наук и которая может быть проанализирована на уровне дискурсивных классификаций. Речь, согласно Фуко, идёт о понятиях, которые возникают и применяются в определённых конкретно-исторических и культурных контекстах. Эпистемы в языковом измерении складываются на том уровне, где формируются научные символы и терминологическое поле науки. Символический порядок эпистем является внутренне иерархичным. Их основополагающие понятия познавательные процессы образуют множество высказываний, наблюдений, аргументов.

В своих исследованиях Фуко стремился обозначить в истории интеллектуального познания эпистемы, существенно обуславливающие возможность определённых взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период.

По мнению философа, необходимо разграничить «археологию науки», реконструирующую подобные структуры, и традиционное историческое знание, фиксирующее различные мнения вне проблемы условий и их возможности. Конституирующим принципом в рамках той или иной эпистемы Фуко полагал преданное на определённом этапе соотношение слов и вещей.

Согласно Фуко, сами по себе слова и вещи абсолютно инертны, жизненность им придаётся в совершаемом по определённым правилам дискурсе. Именно в дискурсе человек встречается со сказанными вещами и сформулированными в рамках высказываний словами. Слова и вещи философски конституируются в дискурсе. Фуко специально подчёркивает, что в его анализах «слова так же сознательно отсутствуют, как и вещи; любое описание словаря на самом деле не что иное, как возвращение к полноте жизненного опыта» [3, с. 52]. Дискурс как сближает язык и реальность, так и имеет возможность разрывать сочленение слов и вещей.

«Кажущееся столь очевидным уже на первом шаге анализа стремительное обращение философов к паре слова/вещи Фуко представляется поспешным.... Да, в традиционной науке паре слова/вещи

придається определяющее значение. Но ведь к данному соотношению как-то приходят, к тому же вполне возможно существование других научных моделей. По Фуко, сами по себе слова и вещи философски инертны, жизненность им придаёт совершаемый, причём по некоторым правилам, философский дискурс» [2, с. 99].

Фуко анализирует корреляцию слов и вещей в рамках западноевропейской культуры XVI – XX вв. и, в пределах данного периода, выделяет три «эпистемы»: ренессансную (XVI век), классическую (XVII – XVIII вв.) и современную (рубеж XVIII – XIX вв. по наше время).

В пределах ренессансной эпистемы слова и вещи тождественны между собой, непосредственно соотносимы и взаимозаменяемы в виде слов-символов. Язык как «язык мира» здесь сопричастен миру, а мир – языку. Слова и вещи конституируют единый текст, представляющий собой часть мира и могущий трактоваться интерпретатором как природной существо. Философское (и эстетическое) наследие античности воспринимается аналогично природным феноменам. Предсказание событий и дешифровка древних текстов образуют законосообразное системное единство.

При переходе к эпистеме классического рационализма слова и вещи теряют непосредственное сходство и становятся соотносимы опосредованно через представления в виде «слов – образов». Корреляция слов и вещей в поле данной эпистемы происходит при помощи процедур тождества и различия. Основной целью рационального мышления выступает создание глобальной концепции о всеобщем универсальном порядке. Данная гносеологическая установка объективируется в таких дисциплинах и концепциях как «естественная история», «естественное право» и в процессах математизации знания (достаточно вспомнить «Этику, доказанную в геометрическом порядке» Спинозы). Естественные знаки ренессансной эпистемы уступают место многообразным системам искусственных знаков. Данная искусственная знаковая система более проста в употреблении, сложные сочетания её элементов выводимы из простых составляющих и позволяют использовать в гносеологическом процессе комбинаторику и вероятностные подходы. «Язык, утратив признак непосредственного подобия миру вещей, обретает статус репрезентанта мышления; включение содержательных пластов мышления в языковые формы структурирует и эксплицирует строй последних. Язык мира становится языком мысли» [4, с. 202].

Связанное с рационалистическими процессами становление «всеобщей грамматики» было направлено на исследование линейных последовательностей словесных знаков в контексте познавательных представлений. Фуко также акцентирует внимание на особенности соотношения слов и вещей в научной организации данной эпистемы. В её рамках слова и вещи не неразрывны, но сопренадлежат друг другу в едином смысловом поле постижения и интерпретации мира. Объекты наблюдения описываются и характеризуются при помощи корректно построенного и адекватного им языка. Наиболее распространенной процедурой организации знания в данной эпистеме было составление исчерпывающих таблиц тождеств и различий изучаемых объектов (например, таблицы индукции Френсиса Бэкона), а также разработка наглядной их классификации по внешним признакам. Так же для данной эпистемы характерна вера в то, что природа не допускает скачков вкупе с приверженностью упорядоченным схемам тождества и различий.

Таким образом, метафизическая составляющая классической эпистемы санкционирует классическое знание данной эпохи. Направление, приведшее к закату данной эпистемы, обозначил Кант, ограничивший своей критической проблематизацией сферу рационального мышления и познавательных представлений.

В целом классическая эпистема базировалась на таких принципах, как обязательное построение расчленённой системы математически оформленного знания, генетический анализ и центральное положение наблюдающего субъекта. Знание, построенное таким образом, считалось единственно истинным, универсально значимым и исторически неизменным. Роль языка в данной эпистеме, одновременно и скромное, и значительное. Хотя здесь язык и теряет своё непосредственное сходство с миром вещей, но он обретает высшее право – представлять и анализировать мышление.

Переход от эпистемы классического рационализма был связан с новым способом бытия предметов человеческого познания: если ранее в этом качестве полагалось пространство, конституирующее совокупность отношений тождества и различия, то в современной эпистеме роль пространства и соответствующей парадигмы постижения бытия обретают время и история. В отличие от современной эпистемы, в которой слова и вещи опосредуются языком, в границах классической эпистемы мышление и бытие полагались свободными от посредников в процессах их взаимодействия. В современной же эпистеме слова покидают пространство познавательных представлений и являют собой совокупность знаков в знаковых системах: язык во всевозрастающей мере становится самодостаточным и обретает собственное бытие. Мышление и интеллектуальная деятельность начинает базироваться на принципе репрезентативности.

Для современности становится свойственным включение в предмет философии проблемы связи формальных структур и их словесных значений. В пределах данной эпистемы, вопросы формализации

анализируются в области логико-онтологической проблематики. Познавательные представления, таким образом, утрачивают свою интегрирующую функцию в познавательном пространстве: смыслы постигаются посредством анализа грамматических систем, а специфические характеристики живых организмов – через неявно акцентированную внутреннюю организацию.

В XX веке доминирующая эпистема подвергается определённым метаморфозам. Данный факт проиллюстрировать, на примере появления таких направлений, как психоанализ, сюрреализм и экзистенциализм. В них создаётся эпистема, которая, в противоположность уверенности во всемогуществе разума, обращается к бессознательному, иррациональному, в котором и усматривается определяющее начало.

Произошедший раскол цельного познавательного пространства, по мнению Фуко, результативен в конструировании нетрадиционных форм организации познания. Принципиально новой характеристикой современной эпистемы явилась её антропологическая центрированность. Причём, вопрос заключается не столько в том, что на первый план выступила антропологическая проблема биологически конечного человеческого существа, пронизанного преданными ему или автономными от него структурами, сколько в том, что был сформулирован важнейший вывод: познание мира осуществляет не «чистая» познающая инстанция, а конкретный индивидуум с присущими ему формами социальных воззрений и организации языка. При этом, осознавая, что вхождение человека в современную эпистему было обусловлено расколом между бытием и репрезентацией, а также раздроблением некогда цельного языкового массива, Фуко предлагает поразмышлять о месте человека как в системе «бытие – мышление», так и во всей современной культуре в целом.

В соответствии с базовыми установками, Фуко интерпретирует язык как реальность, которая не только не зависит от говорящих людей, но и выступает в качестве базисной категории для жизни. Для рассмотрения роли языка на подобном уровне, необходимо прибегнуть к, своего рода, феноменологической редукции, то есть оставить за скобками конкретную содержательную нагрузку фраз и слов. В итоге мы получим формальный синтаксис, тем не менее, всё ещё отягчённый соответствующей семантической составляющей. Элиминировав смысловую наполненность языка, мы обретём чистую структуру, связанную лишь с различиями в материале, который способен выполнять роль знаковой системы. По мысли Фуко, переход от пространства речи, включающего в себя осмысленные слова и их сочетания, к пространству конкретного языка, и далее – к сфере возможностей знаковой системы и является необходимой схемой философской рефлексии. Целью данной рефлексии является творческое состояние, при котором, исследователи могут позволить себе раскрывать, описывать и анализировать дискурсивные структуры, не беспокоясь о том, не упускают ли они при этом живую, реальную историю.

При критическом рассмотрении подобных положений, необходимо отметить, что данные позиции имеют аналогии во всё том же французском постструктурализме.

«Стоит внимательнее присмотреться к реальной речевой практике – и картина существенно усложнится, ибо каждый из нас отнюдь не первым и далеко не последним пользуется словами, оборотами, синтаксическими конструкциями, даже целыми фразами и «жанрами дискурса», хранящимися в «системе языка», которая напоминает не столько сокровищницу, сколько пункт проката: задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество употреблений» [5, с. 16].

Язык рассматривается как совокупность знаков всей человеческой реальности. Любые культурно-исторические образования (в таковом смысле оказывающиеся документами своей эпохи) могут выступать в качестве языка. Документ же, по мнению Фуко, всегда следует интерпретировать как язык, звуки которого низведены до уровня молчания, иногда по счастливой случайности распознаваемого. История же ставит, своей целью обнаружить в самой ткани документа указания на общности, совокупности и причинно-следственные связи. Таким образом, по мысли Фуко, историческая наука призвана идти дальше привычной задачи реконструкции дел и слов людей прошлого.

Возможно, оригинальность подхода Фуко состоит не в выборе методов исследования, а в выборе объекта анализа. Так, обратившись к дискурсивной области, он подверг археологическому анализу дисциплины не соответствующие строго научным критериям (например, психиатрию или юриспруденцию). Вероятно, если бы Фуко обратился непосредственно к корпусу наук обладающих устоявшимся парадигматом и сложившимся методологическим аппаратом, то вряд ли бы его подход отличался выразительной новизной. Дискурс устоявшихся наук кажется более самоочевидным, чем дискурс дисциплин, проходящих стадию становления. При анализе подобных дисциплин привычные схемы научного обоснования или критики замещаются историческим исследованием генезиса и метаморфоз соответствующего дискурса. Археологическая философия науки трактуется здесь, прежде всего, как история образования дискурса научного знания.

Однако было бы, неверным интерпретировать археологию науки Мишеля Фуко всего лишь как историю идей. Археология науки нуждается в постоянной реактивации исторических идей. Именно

данная реактивация придаёт научному дискурсу актуальность, расширяет горизонты и не даёт низвести науку до уровня банальной систематики.

Библиографический список использованной литературы

1. Грицанов А.А. Мишель Фуко / А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко. — Мн.: Книжный Дом, 2008. — 320 с.
2. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В.А. Канке. — М.: Логос, 2000. — 320 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб.: А-сэд, 1994. — С. 52.
4. Липкин А.И. Философия науки / Под ред. А.И. Липкина. — М.: Эксмо, 2007. — 608 с.
5. Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. — М.: Академический проект, 2008. — 431 с.

Поступила в редакцию 4.03.2011 г.

Ткаченко Р.В. Аналіз дискурсивних практик у філософії Мішеля Фуко

Розглядаються окремі методологічні аспекти філософії Мішеля Фуко, які спрямовані на вивчення феномена дискурсів та їх кореляції з історичними умовами в концепції епістем, а також аналізується роль мови як дискурсивної системи в контексті постструктуралізму.

Ключові слова: постструктуралізм, постмодернізм, дискурсивна практика, епістема, парадигма.

Tkachenko R.V. Analysis of discuss practices in the philosophy of Michael Foucault

Some methodological aspects of the Michael Foucault philosophy directed at the study of the discuss phenomenon along with its correlation with historical circumstances in the episteme concept are observed, and also a role of language as a discuss system in the post structuralism concept is analyzed.

Keywords: post-structuralism, postmodernism, discursive practices, episteme, paradigm.